В Генеральную прокуратуру
Российской Федерации
от Обрубова Андрея Сергеевича,
сына обвиняемой Лихомановой Е.В.
Тел.: [скрыто]
E-mail: [скрыто]

ЖАЛОБА

на незаконное открытие уголовного дела, необъективность предварительного следствия и обвинительный уклон

по уголовному делу № 12602070011000039

Настоящая жалоба подаётся в порядке ст. 10 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и ч. 1 ст. 123 УПК РФ. Я являюсь сыном обвиняемой Лихомановой Елены Владиславовны, содержащейся под стражей по уголовному делу № 12602070011000039 (пп. «а», «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ). В Генеральную прокуратуру обращаюсь, поскольку прокуратура г. Пятигорска и прокуратура Ставропольского края при рассмотрении моих обращений ограничивались формальными ответами, не давая оценки доводам по существу, что вызывает обоснованные сомнения в объективности нижестоящих прокуроров.

Совокупность изложенных ниже обстоятельств свидетельствует, по моему мнению, о том, что следственный отдел по г. Пятигорску стремится к заключению обвиняемых под стражу и получению нужных следствию показаний, а не к всестороннему и объективному установлению истины (ст. 6.1, ст. 14 УПК РФ).

1. Квалификация подогнана под желаемую статью

Поводом для возбуждения дела послужили рапорты оперуполномоченного Демченко А.В. от 31.03.2026, в которых деяние описано как совершённое «группой лиц по предварительному сговору». Между тем, согласно п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24, квалифицирующим признаком получения взятки группой лиц по предварительному сговору является участие в преступлении двух и более должностных лиц. В деле должностным лицом называется лишь один обвиняемый — [скрыто] Следовательно, квалификация «группой лиц по предварительному сговору» по ст. 290 УК РФ при одном должностном лице невозможна. По всей видимости, по этой причине следователь в постановлении вменил «организованную группу», признаки которой (устойчивость, иерархия, организатор) из материалов, имевшихся на момент возбуждения дела не вытекают; их наличие в постановлении никак не обосновано. Таким образом, фактические данные были подогнаны под квалифицирующий признак, позволяющий возбудить дело по ст. 290 УК РФ.

Согласно п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24, организованная группа характеризуется устойчивостью, высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя. То есть обязательным признаком является чёткое распределение ролей, при котором каждый участник выполняет строго определённую функцию. В постановлении о возбуждении дела следователь выстроил такую иерархию: [скрыто] — руководитель; санитары — общаются с родственниками умерших и вынуждают их направиться в ритуальный салон для дачи взятки; продавцы салона — принимают денежные средства; после чего полученное распределяется между участниками. Однако данная схема прямо опровергается содержанием самих рапортов. Так, в рапорте по эпизоду [скрыто] указано, что санитар [скрыто] получил денежные

средства (25 000 рублей) непосредственно от [скрыто], а не через продавцов ритуального салона. Тем самым в данном эпизоде функция получения денежных средств выполнена не тем звеном, за которым она закреплена в выстроенной следователем иерархии. Это свидетельствует об отсутствии того самого чёткого распределения ролей, которое является обязательным признаком организованной группы, и о том, что вывод о наличии организованной группы не основан на фактических данных, изложенных в поводе для возбуждения дела.

Кроме того, вся конструкция организованной группы по ст. 290 УК РФ держится на наличии хотя бы одного должностного лица — заведующего отделением [скрыто] Между тем вывод следователя о том, что [скрыто] является должностным лицом, не обоснован. Согласно п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ и п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19, организационно-распорядительными являются функции, связанные с руководством трудовым коллективом, формированием кадрового состава, определением трудовых функций работников, применением мер поощрения и наложением дисциплинарных взысканий. Процитированные же следователем обязанности [скрыто] (руководство деятельностью отделения, координация с другими подразделениями, контроль за работой персонала, принятие мер по обеспечению выполнения работниками своих обязанностей) носят профессиональный и организационно-методический характер и не включают полномочий по найму, увольнению, наложению дисциплинарных взысканий и формированию кадрового состава. Более того, согласно п. 3 Правил организации деятельности патолого-анатомического бюро (отделения) (приложение № 1 к Правилам, утверждённым приказом Минздрава России от 14.04.2025 № 207н), должность заведующего патолого-анатомическим отделением — врача-патологоанатома отнесена к разряду специалистов. Таким образом, вывод о наличии у [скрыто] статуса должностного лица не подтверждён, а при отсутствии хотя бы одного должностного лица конструкция получения взятки по ст. 290 УК РФ несостоятельна в принципе.

Дополнительно отмечаю, что ни рапорты, ни протокол опроса [скрыто] не содержат конкретных данных, объективно подтверждающих именно руководящую роль [скрыто] в инкриминируемой схеме: фактическим руководителем [скрыто] называет иное лицо — [скрыто] При этом, по имеющимся данным, первоначально [скрыто] свою причастность отрицал, а признательные показания и досудебное соглашение появились лишь после периода содержания под стражей, непосредственно перед продлением меры пресечения. Данная последовательность вызывает обоснованные сомнения в добровольности и достоверности его последующих показаний, на которых во многом строится обвинение в отношении остальных обвиняемых, и требует проверки.

2. Введение в заблуждение — признак иного состава

В тех же рапортах прямо указано, что родственники умерших были «введены в заблуждение», а переданные суммы являлись оплатой ритуальных товаров и услуг. Введение лица в заблуждение является признаком мошенничества (ст. 159 УК РФ), а не получения взятки: лицо, введённое в заблуждение, не осознаёт, что даёт взятку, что исключает состав ст. 290 УК РФ. Более того, подобное противоречие имеется и внутри самих рапортов, в описательной части оперуполномоченный Демченко А.В. указывает на введение лиц в заблуждение (что характерно для мошенничества, ст. 159 УК РФ), однако в выводе квалифицирует деяние по ст. 290 УК РФ. Таким образом, постановление о возбуждении дела не соответствует своему поводу. Избранная квалификация по ст. 290 УК РФ относит деяние к категории особо тяжких, что послужило основанием для заключения обвиняемых под стражу. Такое положение объективно создаёт условия, при которых содержание под стражей может использоваться как средство склонения обвиняемых к даче признательных показаний.

3. Заключение под стражу применено как средство давления

Ходатайствуя о заключении обвиняемых под стражу, следователь не учёл наличие у них иждивенцев. На иждивении обвиняемых, в том числе санитара [скрыто], находятся несовершеннолетние дети (у [скрыто] — шестеро детей на иждивении, а его супруга родила вскоре после его ареста). Судьба

иждивенцев следствием во внимание не принята. Суды при этом носили чисто формальную роль, просто принимая сторону обвинения.

В обоснование ходатайства следователь сослался на тяжесть преступления (квалификацию, которая, как указано выше, представляется искусственно завышенной), а также на рапорт оперуполномоченного Демченко А.В. от 16.04.2026, согласно которому Лихоманова Е.В. «планирует скрыться от органов предварительного следствия» и может оказать давление на свидетелей. При этом данный рапорт не содержит ни одного конкретного фактического обстоятельства, подтверждающего эти выводы: не указано, из каких источников, действий или данных следует такое намерение. Представление следователем в обоснование меры пресечения сведений, не подкреплённых конкретными фактическими данными, не отвечает требованиям ст. 97 УПК РФ. Тем не менее указанный рапорт был в числе материалов, положенных судом в основу решения о заключении Лихомановой Е.В. под стражу, — то есть голословное утверждение фактически повлекло лишение свободы. Прошу истребовать у оперуполномоченного Демченко А.В. конкретные фактические данные, на которых основаны указанные выводы; в отсутствие таковых прошу дать оценку правомерности представления следствием данного рапорта в обоснование меры пресечения, поскольку голословные утверждения не могли служить законным основанием для избрания меры пресечения.

4. Поведение обвиняемых опровергает версию следствия

Примерно за 2,5 месяца до арестов в отношении работников ритуального агентства «Память» уже проводились оперативно-следственные мероприятия по признакам ст. 160 УК РФ. Несмотря на осведомлённость о проводимой проверке, никто из обвиняемых не пытался скрыться, не прекратил законную деятельность и продолжал работать. Такое поведение несовместимо с версией о намерении скрыться и противоречит обоснованию ареста. При этом в ходе указанных мероприятий денежные средства, принадлежащие семье, были опечатаны, доступ к ним ограничен; распорядиться ими семья не может, хотя дело по ст. 160 УК РФ дальнейшего движения не получило. Тем самым семья лишена возможности использовать эти средства, в том числе для оплаты защиты.

5. Признаки давления на обвиняемых и их близких

Совокупность обстоятельств указывает на использование содержания под стражей как средства понуждения к нужным следствию показаниям. Так, обвиняемый [скрыто], находясь под стражей, изменил показания в сторону признания вины и изобличения иных обвиняемых; другими обвиняемыми поданы заявления о клевете. Кроме того, мой отец [скрыто] подал заявление о том, что по окончании его допроса сотрудник следственного органа допустил в его адрес высказывания примерно следующего содержания: «если бы ваша жена сотрудничала со следствием, она была бы свидетелем»; «поскольку она не сотрудничает, она является подозреваемой»; «ваш статус тоже может измениться». Указанные высказывания ставят процессуальный статус лица в зависимость от его «сотрудничества» и содержат прямой намёк на возможность ухудшения положения самого [скрыто], что он расценивает как оказание давления. Отмечаю также, что данные высказывания не соответствуют действительности: Лихоманова Е.В. никогда не имела по делу статуса свидетеля — она с самого начала была привлечена в качестве обвиняемой. В совокупности с тем, что денежные средства семьи опечатаны и недоступны для оплаты защиты, указанное свидетельствует о создании условий, затрудняющих защиту.

6. Жалобы на следователя рассматривались самим следователем

Поданные по делу жалобы на действия следователя систематически направлялись для ответа самому следователю Сафонову Д.В., чьи действия и обжаловались (ответ от 05.05.2026), что прямо запрещено ч. 6 ст. 8 ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ и п. 14 приказа СК РФ от 04.12.2023 № 159. Подобным образом разрешались не только мои обращения, но и ходатайства и жалобы защитников обвиняемых,

поданные руководителю следственного органа и фактически рассмотренные самим следователем. Повторяемость подобных случаев по обращениям разных лиц (членов семьи и адвокатов) свидетельствует не о единичной ошибке, а о системном характере нарушения.

7. Произвольное отклонение вопросов защиты на очных ставках

При проведении очных ставок следователь систематически снимал вопросы стороны защиты под предлогом того, что они «не относятся к расследованию», «являются наводящими» либо «ответ ранее дан», хотя эти вопросы были направлены на проверку достоверности показаний и устранение противоречий (ст. 192 УПК РФ). При этом запрет на постановку наводящих вопросов установлен ч. 2 ст. 189 УПК РФ в отношении следователя; сам же следователь задавал вопросы, презюмирующие виновность обвиняемых, в нарушение презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Налицо двойной стандарт.

8. Опрос [скрыто] как недопустимое доказательство; причастность Лихомановой Е.В. им не подтверждается

При обосновании ходатайства об избрании меры пресечения следователь сослался на протокол опроса гражданки [скрыто] от 28.02.2026, проведённого оперуполномоченным УФСБ с участием оперуполномоченного Демченко А.В. В отношении этого материала имеется ряд существенных обстоятельств, не получивших оценки.

Во-первых, опрос, проведённый в рамках оперативно-розыскной деятельности, не является следственным действием и не образует показаний свидетеля в смысле ст.ст. 74, 79 УПК РФ: он получен вне процессуальной формы допроса (ст.ст. 187–191 УПК РФ). При этом [скрыто] при опросе была предупреждена только об ответственности по ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос), что характерно для заявителя о преступлении, но не была предупреждена об ответственности по ст.ст. 307–308 УК РФ, как это предусмотрено при допросе свидетеля. Это подтверждает, что её опрос не является показаниями свидетеля и не может иметь соответствующего доказательственного значения; обоснование меры пресечения подобным материалом вызывает сомнения в его допустимости (ст. 75 УПК РФ).

Во-вторых, согласно самому протоколу, [скрыто] работала в агентстве по октябрь 2024 года, тогда как вменяемые обвиняемым эпизоды относятся к периоду мая–августа 2025 года. Таким образом, в период инкриминируемых событий [скрыто] в агентстве уже не работала и не могла лично воспринимать обстоятельства вменяемых эпизодов. Её пояснения описывают общую схему за более ранний период, а не конкретные вменяемые деяния.

В-третьих, и это особенно существенно: в пояснениях [скрыто] Лихоманова Е.В. упоминается единственный раз — в связи с оформлением в 2021 году ИП на её супруга [скрыто] При описании же самой схемы (приёма и распределения денежных средств) Лихоманова Е.В. не названа в числе лиц, собиравших или распределявших денежные средства; согласно протоколу, выручку собирала [скрыто] и передавала [скрыто], который распределял её между собой, [скрыто] и [скрыто] Таким образом, материал, положенный в обоснование причастности Лихомановой Е.В., не описывает ни одного её действия в инкриминируемой схеме.

В-четвёртых, следствием не установлено, были ли [скрыто] и Лихоманова Е.В. вообще знакомы и пересекались ли периоды их работы в агентстве. При отсутствии этих данных пояснения [скрыто] в части, касающейся Лихомановой Е.В., не могут быть основаны на личном восприятии и не подтверждают её причастность.

В-пятых, по общедоступным данным, лицо с теми же фамилией, именем и отчеством — [скрыто] — было зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя с основным видом деятельности «организация похорон и предоставление связанных с ними услуг» (ОКВЭД 96.03): дата

регистрации — [redacted] (то есть вскоре после прекращения работы в агентстве «Память»), дата прекращения деятельности — [redacted]. Прошу проверить, является ли это лицо тем же, что дало опрос, и не имелось ли у него личной заинтересованности (в том числе связанной с конкуренцией на рынке ритуальных услуг либо намерением занять место конкурентов), способной повлиять на достоверность сообщённого. Кроме того, следствием не выяснены обстоятельства прекращения её работы в агентстве «Память». Совокупность изложенного ставит под сомнение как допустимость, так и достоверность данного материала, положенного в основу ходатайства об аресте.

9. О материалах УФСБ

В постановлении о возбуждении дела упоминаются результаты оперативно-розыскных мероприятий УФСБ России. Прошу проверить законность и объективность получения этих материалов, а также их относимость к вменяемым обвиняемым деяниям (ст. 88 УПК РФ).

Совокупность приведённых обстоятельств, по моему мнению, свидетельствует о том, что целью следствия является заключение обвиняемых под стражу и получение нужных показаний, а не установление истины.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 10 ФЗ «О прокуратуре РФ», ст.ст. 6.1, 14, 88, 123, 140 УПК РФ,

ПРОШУ:

1. Истребовать и изучить материалы уголовного дела № 12602070011000039, включая рапорты от 31.03.2026, постановление о возбуждении дела, ходатайство об избрании меры пресечения, протоколы очных ставок и допросов, протокол опроса [скрыто], а также все поданные по делу жалобы обвиняемых, их защитников и членов семей и ответы на них.

2. Дать оценку соответствию постановления о возбуждении дела его поводу (рапортам), в том числе обоснованности квалификации деяния как совершённого организованной группой по ст. 290 УК РФ.

3. Истребовать у оперуполномоченного Демченко А.В. конкретные фактические данные, положенные в основу вывода о намерении Лихомановой Е.В. скрыться и оказать давление на свидетелей.

4. Проверить достоверность и относимость опроса [скрыто], в том числе установить тождество лиц, обстоятельства прекращения её работы в агентстве «Память» и наличие возможной заинтересованности, а также период, к которому относятся сообщённые сведения.

5. Проверить законность и объективность получения и использования материалов ОРМ УФСБ России, положенных в основу обвинения (ст. 88 УПК РФ).

6. Проверить законность и обоснованность наложения ареста (опечатывания) на денежные средства семьи и продолжающегося ограничения доступа к ним в рамках мероприятий по признакам ст. 160 УК РФ, дело по которым движения не получило, с учётом необходимости использования этих средств для оплаты защиты.

7. Дать оценку систематическому направлению жалоб на действия следователя для ответа самому следователю, а также произвольному отклонению вопросов защиты на очных ставках.

8. Принять меры прокурорского реагирования, направленные на отмену постановления о возбуждении уголовного дела.

9. Рассмотреть настоящую жалобу по существу в Генеральной прокуратуре Российской Федерации не направляя прокуратуре Ставропольского края или прокуратуре г. Пятигорска, должностными лицами которых ранее по обращениям моей семьи давались формальные ответы. О результатах рассмотрения уведомить меня по адресу электронной почты: [скрыто].

08.07.2026 года

Копия для публикации. Персональные данные частных лиц скрыты.